

ПОД НЕБОМ ЛУЗИТАНИИ

ОТ ПРИЩЕСТВИЯ
ДО ПОЛУНОЧИ

Василий,
Костовинский

Василий Костовинский

**Под небом Лузитании. От
пришествия до полуночи**

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Костовинский В.

Под небом Лузитании. От пришествия до полуночи /
В. Костовинский — «Мультимедийное издательство
Стрельбицкого»,

Эта книга посвящена феномену трудовой эмиграции граждан бывших советских республик на Пиренейский полуостров в конце XX в начале XXI века. Со свойственным его героям юмором автор рассказывает о том, что заставило их покинуть насиженные места и отправиться на заработки в далёкую Лузитанию. Именно так в древности называли современную Португалию, где на головы новоявленных гастарбайтеров посыпались не шальные доллары, а злключения, напасти и неприятности. Однако бывшие граждане СССР оказались вовсе не теми людьми, которые гнутся под тяжестью обрушившихся на них горестей, бед и невзгод. Юмор, находчивость и предприимчивость помогли им выпутываться из самых, казалось, безвыходных ситуаций. И если Вы хоть раз побывали за границей и попадали там в неприятные истории, то эта книга для Вас и о Вас.

© Костовинский В.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Предисловие	5
КНИГА I. ОТ ПРИШЕСТВИЯ ДО ПОЛУНОЧИ	10
1. Джульетта	10
2. Невеста	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Василий Костовинский

Под небом Лузитании. От пришествия до полуночи

Предисловие

Конец XX – начало XXI века. Португалия, искусственно притянута за уши сначала в НАТО, потом в Евросоюз, а затем и в Еврозону, развивается невероятно бурными темпами. Экономика страны подогревается щедрыми подачками Евросоюза, а также солидными инвестициями и кредитами индустриальных тяжеловесов Европы. Молодая демократия, выросшая на останках фашистской диктатуры Салазара, поощряется не только финансово, но и морально. Маленькой стране, находящейся на задворках континента, поручается проведение ответственных международных мероприятий: выставки ЭКСПО 98 и чемпионата ЕВРО 2004. Но для успешного выполнения этого почётного задания требовалось произвести грандиозные строительные работы: возвести новые современные аэропорты, вокзалы, стадионы, гостиницы и общественные сооружения; построить скоростные автомобильные и железнодорожные магистрали, а также значительно расширить сеть линий метрополитена в Порто и Лиссабоне. Чтобы не ударить лицом в грязь, понадобилось реконструировать памятники архитектуры и старины, разбить новые парки и скверы, соорудить развлекательные центры и комплексы.

Но в стране, истощённой собственной трудовой эмиграцией, катастрофически не хватало строителей. Португальцы предпочитали работать на стройках развитых стран Европы, где заработки строителей были в несколько раз выше. Ко всему прочему, настоящий бум в жилищном строительстве Португалии привёл к значительному оттоку трудовых ресурсов в эту чрезвычайно прибыльную область деятельности.

Правительство попыталось решить проблему нехватки рабочей силы с помощью гастарбайтеров из своих бывших африканских колоний и Бразилии. Однако африканцы, очутившись в Европе, тут же сбегали со строек в негритянские трущобы, находившиеся на окраинах крупных индустриальных городов. Самые несознательные из них занимались сначала мелким воровством, затем более крупным и заканчивали свою карьеру грабежом и разбоем. Более законопослушные африканцы промышляли мелкой уличной торговлей и продажей галантереи на традиционных португальских базарах – фейрах. Но постепенно, попутно, они так же освоили и гораздо более прибыльную торговлю наркотиками. Однако тут их бизнес столкнулся с интересами цыганской диаспоры – обыденного регионального распространителя дурманящего зелья. Незлобивый юридический спор за рынки сбыта перерос в отдельные незначительные, но очень досадные недоразумения и конфликты. И в этих полемических столкновениях взглядов и мнений африканцы имели заметное преимущество, так как в их арсенале были такие милые нашему сердцу автоматы Калашникова.

Большинство же из несостоявшихся гастарбайтеров жили за счет гуманитарной помощи общественных организаций и довольно-таки скудных государственных субсидий.

Бразильские же рабочие исчезали со строительных площадок ещё раньше своих африканских коллег. Они устраивались певцами, танцорами, барменами, официантами в различных клубах, барах, ресторанах и прочих многочисленных развлекательных заведениях. Самые предприимчивые из бразильцев неофициально открывали так называемые «Дома Любви», где прилежно работали их весьма привлекательные латиноамериканские соотечественницы. Эти дамы без комплексов и предрассудков въезжали в Португалию под видом кровных родственников уже обосновавшихся в стране бразильских иммигрантов.

Это вызвало бурю негодования среди женского населения Португалии, начиная с почтенных матрон и заканчивая ещё не вышедшими в полный тираж путанами. Первые были возмущены тем, что их мужья стали приносить домой намного меньше денег, просаживая значительную часть прибыли с бразильскими кудесницами любовных игр, забав и развлечений. Последние же попросту не выдерживали конкуренции со своими искусными и любвеобильными заокеанскими соперницами. Консервативные португальские жрицы любви так и не научились учитывать современные тенденции в области разнообразия интимных услуг. Они даже понятия не имели, что кустарщину удовлетворения мужских потребностей можно возвести до уровня изысканного и возвышенного искусства. Само собой разумеется, мужчины не могли не заметить разницу в уровне профессионализма здешних аборигенок и заезжих заокеанских гастролёров. Неудивительно, что некоторые политики правого толка, проповедующие лозунг «Португалия – для португальцев», значительно расширили свою социальную и электро-ральную базу...

Ой! Пардон! Кажется, не слишком возвышенные думы увели автора в сторону от его дотошных и скрупулёзных околонаучных исследований.

Как Вы уже поняли, вместо запланированной рабочей силы правительство получило дополнительную головную боль, незапланированные расходы, да ещё и переполненные иммигрантами тюрьмы.

От позорного провала ЕВРО 2004 Португалию спас ... развал Советского Союза и обнищание трудового населения государств, образовавшихся на огромном постсоветском пространстве. Первыми в стране освоились иммигранты из Молдавии, говорившие на языке романской группы, который является родственным португальскому. Они быстро сообразили, что на нехватке рабочей силы можно неплохо заработать, наладили связи с турагентствами стран СНГ и ... В Португалию сначала потёк ручеёк, затем речушка, а потом и бурный поток трудовых иммигрантов с Востока. Именно так (*Os imigrantes de Leste*) и называли португальцы гастарбайтеров из бывшего Советского Союза. В числе проникающих в страну нелегалов было немало граждан России и Белоруссии, но чаще всего среди них попадались потомки прикарпатских опришек и запорожских казаков.

Туристические агентства (они же агентства по трудоустройству) обещали желающим поработать в Португалии баснословные заработки: от 800 до 1200 американских долларов. И это в то время, когда минимальная зарплата в этой стране в эквиваленте не превышала 350 долларов в месяц! А большие деньги можно было заработать либо работая по 14–15 часов в сутки (включая и субботы), либо имея очень высокую строительную квалификацию. Однако профессиональные строители среди прибывающих в Лузитанию гастарбайтеров практически не встречались. (Лузитанией в древности называли территорию нынешней Португалии).

Сюда приезжали бывшие военные, досрочно уволенные из рядов вооружённых сил; мелкие чиновники, не угодившие новым властям; учителя и преподаватели, нежелающие жить на нищенскую зарплату; студенты, не имеющие средств на своё дальнейшее образование; инженеры и квалифицированные рабочие с разорившихся крупных предприятий; обанкротившиеся и задолжавшие кому-то предприниматели; бывшие колхозники, так и не сумевшие стать фермерами; рэкетеры, вытесненные из родных мест более удачливыми конкурентами; жулики и мошенники, спасающиеся от неотвратимого правосудия или возмездия одураченных ими «солидных людей».

Чтобы не быть голословным, отмечу, что с 2000-го по 2001-й год мне выпала честь работать в бригаде штукатуров вместе с тремя инженерами, двумя учителями, недоучившимся студентом, двумя мелкими бизнесменами, тремя рэкетирами и махинатором, которого мечтали «порвать» паханы одного очень крупного русского города. Кстати, бывшие рэкетеры оказались на удивление чуткими и отзывчивыми товарищами и, в конце концов, стали отличными штукатурами.

Ведь все мы, прежние граждане СССР, воспитанные на романтике всесоюзных строек, где-то глубоко-глубоко в душе строители. Многие из нас своими руками производили ремонты в своих собственных квартирах и строили миниатюрные домики на крохотных дачных участках. Поэтому и не стоит удивляться, что за два-три месяца наши соотечественники осваивали строительные профессии и становились высококлассными бетонщиками, каменщиками, арматурщиками, штукатурами, кровельщиками, мостостроителями и дорожниками. Следует сразу оговориться, что соотечественниками автор считает всех тех, кто жил с ним на территории Великого и Могучего Советского Союза.

Нельзя не отметить, что многие гастарбайтеры, потратившие 1200–1500 долларов на поездку и трудоустройство в Португалии, были крайне разочарованы низким уровнем оплаты своего нелёгкого труда. Поэтому они старались как можно быстрее отработать истраченные деньги и заработать хоть какие-то средства на возвращение домой или на переезд в более развитое европейское государство. Однако нередко нелегальные рабочие становились жертвами недобросовестных патронов (работодателей), которые выдавали им всего лишь часть заработной платы, а то и вовсе не платили за многие месяцы изнурительной работы.

Но надо признаться, что изредка попадались и патологически честные патроны, особенно среди владельцев крупных фирм и предприятий. Они не только исправно выдавали жалование своим рабочим, но также предоставляли им и жильё, и бесплатное трёхразовое питание. Злостные неплательщики заработной платы чаще всего встречались среди мелких патронов, субподрядчиков солидных строительных организаций. Эти жулики, развращённые свалившимся на них богатством и алчущие всё более и более высоких прибылей, обманывали не только гастарбайтеров, но и своих же собственных португальских рабочих. Так что кому-то из иммигрантов с Востока изрядно везло, кому-то не очень, а кое-кому и вовсе фатально не фартило. Вот и Вашему покорному слуге его первый работодатель недоплатил более двух тысяч евро.

Юридически гастарбайтеры с Востока не существовали, поэтому и жаловаться им было попросту некуда. Иммигранты прибывали в страну нелегально, под видом туристов. Но правительство закрывало на это глаза, понимая, что без дополнительных рабочих рук строительство объектов ЕВРО 2004 сразу же захлебнётся.

Но как-то одному любознательному чиновнику взбрела в голову нелепая идея: а не подсчитать ли, хотя бы примерно, сколько же нелегалов находится в Лузитании. Результаты даже самых приблизительных подсчетов просто-напросто ошеломили министров. Каждый одиннадцатый житель страны был иммигрантом!

– О, ужас! – буквально взвыл министр финансов. – Да если этих людей заставить платить все пошлины и налоги, то мы сможем заштопать немало дыр в нашем несбалансированном государственном бюджете!

В 2001-ом году, несмотря на протесты Евросоюза, правительство открыло кампанию по легализации незаконно проникших в страну гастарбайтеров. Но уже в 2002-м году её пришлось срочно прикрыть, так как поток «туристов» из стран СНГ превысил все мыслимые и немыслимые пределы. За полтора года было легализировано более 700 тысяч человек, подавляющее большинство из которых прибыло с территории бывшего Советского Союза. Иммигранты получили социальную и юридическую защищённость, а правительство – солидную прибавку в доходную часть государственного бюджета.

Однако не менее 300 тысяч человек так и остались за чертой закона об иммиграции. Кто-то прибыл в страну уже после закрытия компании легализации, а кто-то просто не смог доказать, что очутился в Португалии раньше крайнего срока, оговоренного декретом правительства. Но были и такие, которые особо и не желали тратить деньги и время на довольно-таки сложную процедуру легализации. Эти гастарбайтеры мечтали как можно быстрее заработать побольше денег, и тихо и мирно удалиться восвояси. Ради экономии они жили в нечеловеческих условиях: питались самыми дешевыми сосисками и макаронами, спали в заброшенных

гаражах, сараях и даже свинарниках. Автор лично знал двух жителей Прикарпатья, которые ночевали в бесхозных собачьих будках. Благо, что эти бетонные конструкции в Португалии достаточно-таки высокие и просторные.

Попадались и настоящие рекорсмены, умудряющиеся питаться всего лишь за 20, ну, в крайнем случае, за 30 долларов в месяц. При всём при том они прилежно трудились на тяжелых строительных работах по полторы, а иногда и по две смены в сутки. Когда я сличал домашние фотографии этих феноменов с нынешним португальским оригиналом, то видел лишь жалкую половину их бывшего величия и дородности. Желание как можно быстрее заработать деньги и со славой вернуться домой творило невиданные чудеса! Ни одна сверхмодная диета и ни одна современная методика избавления от избыточного веса не давала такого быстрого и устойчивого результата.

Но даже среди рачительных и экономных гастарбайтеров встречались уникалы, которые и вовсе не тратили средств на кормёжку...

А вот и не угадали! Эти ребята не были ни йогами, ни аскетами и из источников непознанных «тонких» сил тоже, увы, не подпитывались. Но крайней мере, автору не попадались в Португалии ни солнцееды, ни праноеды, ни бретарианцы. В повседневном рационе этих людей были просроченные пищевые продукты, выброшенные на свалку из крупных супермаркетов и гипермаркетов. Однако такая необычная диета давала незначительный побочный эффект, который проявлялся в виде урчания в животе, струйной диареи, а также жестоких приступов благоприобретённого метеоризма.

Но когда эти бережливые наследники Мюнхгаузена возвращались домой, они безбожно сорили деньгами и рассказывали небылицы о мифических заработках на территории Португалии. Именно из-за этих фантазёров доверчивые простофили продолжали рваться за шальными деньгами в далёкую Лузитанию даже после окончания ЕВРО 2004. Запоздавшие гастарбайтеры попадали в ужасающую ситуацию, так как на работу их уже никто не брал, а правительство расходов на репатриацию нелегалов в бюджет не включало.

Но особо болит сердце за наших соотечественников, спившихся на дешёвом местном вине и пополнивших ряды португальских бомжей и нищих. И хотя климат в Португалии в основном субтропический, однако жить без крыши над головой здесь всё-таки не очень-то и приятно. Зимой тут зачастую идут продолжительные проливные дожди, температура ночью снижается до нуля градусов, а влажность устойчиво держится на критическом уровне в 100 %.

Тем не менее, именно благодаря тяжкому и упорному труду иммигрантов с Востока, работавших по 12–15 часов в сутки, строительство инфраструктуры ЕВРО 2004 было завершено вовремя. И пусть стимулом для этого труда была жажда заработать приличные деньги, но это ни на йоту не умоляет заслуг бывших советских граждан.

Во время коротких перерывов и редких выходных гастарбайтеры не раз с юмором и иронией рассказывали убогоприличные, потрясающие истории о своей жизни на Родине, а также об удивительных и невероятных приключениях в Португалии. Дома мои сотоварищи зачастую становились жертвами коррумпированных чиновников, беспринципных махинатор, бандитских группировок и продажных полицейских. Здесь же они нередко попадали в лапы бессовестных патронов, месяцами не плативших за их нелёгкий и добросовестный труд. А сколько раз иммигранты влипали в комические, курьезные и нелепые ситуации из-за незнания португальского языка, здешних законов и местных обычаев! Однако эти несгибаемые, мужественные люди, с покалеченными и изуродованными жизнью судьбами, не утратили ни порядочности, ни достоинства, ни веры в своё светлое будущее. Они не растеряли чувство юмора даже несмотря на то, что многие из них перетерпели ужасающие страдания и лишения. Только сильная личность может рассказывать о своих горестях и неудачах, посмеиваясь над своими недругами и гонителями, и, в первую очередь, над самим собой. И это вовсе не самобичева-

ние, а настоящий, истинный юмор, который позволял выживать в нелёгких, однообразных и беспросветных рабочих буднях.

Порой мы до коликов в животе истерически хохотали над уморительными историями о приключениях и похождениях иммигрантов с Востока. Сначала я пытался запоминать эти байки, были и небылицы, но быстро понял, что память моя далеко не идеальна и не безгранична. Тогда я начал впопыхах записывать рассказы моих товарищей на грязных и замызганных обрывках бумаги. Вот эти записи, а также личные впечатления автора и легли в основу этой необычной книги. А что из этого, в конце концов, получилось, можете судите сами.

КНИГА I. ОТ ПРИШЕСТВИЯ ДО ПОЛУНОЧИ

1. Джульетта

Июнь 2000 года.

Жаркое, ослепительное июньское солнце добела раскалило крыши, стены и мостовые древнего Лиссабона. Но, несмотря на это, на шумной улице старого города яблоку негде было упасть. Мимо невзрачного на вид парадного входа в пенсау «Магнолия» (Прим. Pensão – дешевая гостиница. порт.) непрестанно сновала многолюдная, пестрая толпа жителей и гостей столицы. Временами кто-то выныривал из кипящего людского потока и окунался в живительную прохладу этого жалкого подобия гостиницы. А иногда какой-то отчаянный смельчак выскакивал из пыльного коридора и очертя голову бросался в бурлящий водоворот потных человеческих тел.

Не знаю, когда и зачем было построено это здание, но, похоже, со времен Великого Лиссабонского землетрясения здесь не производился даже поверхностный косметический ремонт. Видавшие виды стены номеров обветшалого пенсау были потрескавшимися, обшарпанными и уже давным-давно утратили свой изначальный цвет. Окна и двери этого подобия отеля, казалось, вот-вот отвалятся и рассыплются от дряхлости в пыль и прах. А деревянные лестницы душераздирающе скрипели и визжали под ногами трепещущих от страха постояльцев.

И хотя здание пенсау находилось почти что у самого центра города, но снаружи оно напоминало чудом уцелевшее строение Хиросимы после американской ядерной бомбардировки. Архитектор давно забытой эпохи когда-то замыслил, что наружные стены его детища будут иметь приятный тепло-оранжевый оттенок. Но время и местами обвалившаяся штукатурка превратили их в подобие шкуры старой и облезшей пятнистой пантеры.

Тем не менее, седой и угрюмый Дон Жузе, являющийся и хозяином, и портье пенсау в едином лице, непомерно гордился своим, так сказать, благотворительным заведением. Листая за стойкой в минуты досуга эротические журналы, он любил мимоходом заметить, что совершает Богоугодное дело, давая надёжный приют бедным иммигрантам с Востока за столь умеренную суточную оплату. По компетентному мнению хозяина пенсау, полтора контуша с человека за 24 часа постоя являлись чисто символической оплатой за его скромные, но весьма хлопотные услуги. (Прим. В 2000-ом году это приблизительно соответствовало 7,5 американских долларов) Однако по каким-то неведомым науке причинам беженцы из бывших португальских колоний избегали селиться в номерах сердобольного и благочестивого Дона Жузе.

Такое забытое Богом место просто обязаны были облюбовать мыши, крысы и прочие мелкие паразиты. Поразительно, но грызуны и домашние насекомые здесь почему-то совершенно отсутствовали! Словно и они брезговали этой ветхой развалюхой под гордым и вызывающим названием «Пенсау Магнолия». Хотя где-то в глубине моего сознания зародилось кошмарное подозрение: в темных дырах и щелях здания водится нечто такое, чего боятся не только крысы, но даже вездесущие клопы и тараканы.

Но здесь их с успехом заменяли сомнительные личности всевозможных мастей и окрасок, паразитирующие на бедственном положении моих несчастных земляков и соотечественников. Так называемые «трудоустроители» брались за определенную плату (по 350 долларов с украинцев и по 400 с россиян) подыскать им в кратчайшие сроки более-менее приличную и прибыльную работенку.

Вот уже вторую неделю я прозябал в этой грязной дыре, с надеждой и нетерпением ожидая решения моей нелёгкой проблемы.

– Ты кто? Инженер? – неприязненно покосился на меня мой трудоустроитель Маркэл и с печальной безысходностью выдохнул: – Значит без специальности.

Этот широкоплечий, не в меру накачанный парень обладал поразительной способностью перевоплощения, появляясь в каждый последующий день в пенсау под новым оригинальным именем. В нашей комнате он отзывался на имя Маркэл, в соседнем номере его звали Павел, этажом ниже – Ион. Хозяин же заведения обращался к нему не иначе как к сеньору Алешандеру. От такой глубокой конспирации и шпионской осмотрительности неприятно веяло ледяным ветерком с трудом забываемой Холодной войны.

Маркэл раздраженно швырнул на мою смятую постель ручку и блокнот, исписанный какими-то корявыми иероглифами, драматично возвел руки к облупленному потолку и трагическим голосом произнес:

– Боже мой! Кого только не присылают нам эти долбанные турагентства! Сколько им можно объяснять, что нам нужны строители, строители и только строители! Ну, где же я найду тебе работу?

Постепенно, знакомясь с обитателями пенсау, я обнаружил странную закономерность, а если быть точнее – аномалию. Кого здесь только не было?! В гостинице можно было встретить кого угодно: уголовников, скрывающихся от карающего правосудия; рэкетиоров, вытесненных из родных мест более удачливыми конкурентами; чиновников и работников силовых структур, неугодных новым властям; офицеров и прапорщиков, уволенных за ненадобностью из рядов вооружённых сил; учителей, не желающих жить на нищенскую зарплату; инженеров и рабочих разорённых промышленных предприятий; неудачливых торговцев и обанкротившихся бизнесменов; молодых специалистов, не сумевших найти работу на Родине, и студентов, так и недоучившихся из-за нехватки денег на взятки преподавателям. А вот строители среди постояльцев пенсау практически не попадались.

Мои последние деньги неудержимо таяли, а подходящей работенки всё так и не находилось. К моему глубочайшему удивлению, сердобольный Маркэл вернул мне из задатка 50 долларов, чтобы я мог хоть как-то питаться и оплачивать моё проживание в гостинице. А ведь на первый взгляд казался таким чёрствым и бесчувственным громилой! В ответ на слова моей искренней благодарности крепыш густо покраснел и сконфуженно пробурчал:

– С худой овцы шерсти не настрижешь. Потом вернешь с первой зарплаты.

Я ютился в одной комнатухе с веселым и жизнерадостным Володей-каховчанином, а также с мрачным и молчаливым Степаном из Тернополя. Общая иммигрантская судьба сближала нас – таких непомерно различных и вовсе не схожих друг с другом.

Мы неспешно вышли из пенсау и уныло поплелись вниз по оживленной и многолюдной улице. словно стайка певчих птиц, на бойком перекрестке щебетала группка беззаботных, миловидных и развеселых девушек. Над ними грозно и сурово возвышался немного обрюзгший гигант с курчавой, иссиня-черной ассирийской бородой. Как мудрый лев-вожак, он зорко и невозмутимо следил за порядком в своей шумной и суетной стае.

– Пошли за хлебом! – обливаясь потом, буркнул я и покосился на уныло бредущего рядом Степана. Но тот внезапно остолбенел и с немым восторгом вперился во что-то весьма необычное на другой стороне запруженной транспортом улицы. Казалось, что мой высокорослый и статный сосед по номеру попросту перестал меня замечать.

– Матерь Божья! Какая же она красивая! – наконец, простонал он.

Я изумленно проследил за его мутным, затуманенным взором. В сонме веселых и разбитных подруг стояла ОНА, стройная как былинка, но в тоже время с крутыми бедрами и впечатляюще-пышным бюстом.

– Как голубя среди вороней стаи,

Ее в толпе я сразу различаю, —

пронеслись в моём сознании слова великого поэта. Только по иронии судьбы вороны почему-то были белыми, а голубка — абсолютно черной. Дело в том, что миловидная девушка, несомненно, была законнорожденной дочерью знойной Африки и ее предки вышли из самих глубин свободолюбивого Черного Континента.

Взоры Степана и африканки встретились, и будто незримая нить соединила их необычайно ранимые и чувственные сердца.

В этот момент к нам подбежал Федор из соседнего номера пенсау и неистово заорал над самым моим ухом:

— Хлопцы! Я тут нашел ложу, где отличную колбасу дают! Ну, точно, как наша докторская! (Прим. Loja — магазин, порт.)

— Это в Советском Союзе колбасу давали, а здесь её сбывают. Да еще и местную валюту за неё по какой-то причине требуют! — с сарказмом ответил я, звеня мелкими монетами в моём кармане.

— Так всего же 600 эскудо за кило, — как бы оправдываясь, проворчал Федор. — Считай, что задаром. Как хотите, а я побежал.

Весть о дешевой колбасе не на шутку озадачила меня и основательно взволновала мое трепетное сердце. Я обернулся к Степану, но тот словно растворился в спёртом воздухе и материализовался на противоположной стороне проезжей части улицы. Рискаю угодить под колеса, я зигзагами пересек густой поток автомобилей и резко дернул Степана за рукав рубахи. Но он, вне всякого сомнения, меня не видел и не слышал.

— Я — Степан! — тыкал он себя в грудь. — А ты?

И палец с грязным ногтем уперся в розовую блузку чернокожей девушки.

— Sou Julia, — застенчиво улыбнулась экзотическая красавица.

Всё это чем-то напоминало мне сцену встречи Колумба с аборигенами Нового Света. И, пока дело не дошло до меновой торговли, я, что было мочи, гаркнул Степану прямо в оттопыренное ухо:

— Там колбасу дешевую дают! Бежим, а не то останемся голодными!

Но мой офонаревший товарищ даже не шелохнулся. Ничто материальное и прозаическое, тем более какая-то залежалая колбаса, в данный момент его совершенно не интересовало.

— Любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда, — вспомнил я древний афоризм и вприпрыжку бросился за уже скрывшимся за углом Федей.

Степан вернулся в пенсау только к позднему вечеру. Нижняя губа его была разбита, а под глазом отчетливо проступал огромный синяк. Да и сам он выглядел так, будто его метров двадцать протащили по шершавому асфальту, да ещё при этом непрерывно встряхивая и переворачивая. Его гордость и величайшая драгоценность, фотоаппарат «Зенит», которым он щелкал на каждом углу столицы, а также наручные «Командирские» часы бесследно и, похоже, безвозвратно исчезли.

— Боже Праведный! Что с тобой стряслось?! Где ты был?! — ужаснулся потрясенный Володя. — Неужели местная Мафия?!

— Да что ты! — всхлипывая от обиды и досады, промямлил Степан. — Я был у Юлии дома, в её комнате.

И неожиданно на помятом и подпорченном лице тернопольца возникло выражение неопишемого счастья и безумного блаженства. Чудные воспоминания затмили и изгнали чувство боли и унижения из его израненного сердца. И расплывшиеся в улыбке распухшие губы бедняги чуть слышно пролепетали:

— Я никогда в жизни не испытывал ничего подобного. Теперь я знаю, что такое Рай.

– А когда Рай закончился? – бесцеремонно вернул Степана на грешную землю Володя.

– Тогда Юля начала что-то говорить. Но вы же знаете, что я по-ихнему ни бум-бум, – тяжело вздохнула жертва неудачного стечения обстоятельств. – А она говорила все громче и громче. Наверно думала, что я плохо слышу. А тут, вдруг, вернулся её старший брат. Ну, тот, что с бородой. Да так разорался, застав нас вместе! Ну, я попытался объяснить ему, что мы любим друг друга, что у меня самые что ни на есть серьезные намерения, что я даже готов жениться на Юлии. А он мне своим кулачищем прямо в глазик! Вывернул карманы, снял часы и...

Глаза бедолаги заблестели и наполнились хрустальной влагой.

– ... и отобрал мой «Зенит»! – чуть не рыдая, закончил он.

Надо заметить, что Степан был неважным собеседником и явно польстил славному городу Тернополю, назвавшись его уроженцем. Скорее всего, Родиной его было глухое село достаточно-таки отдаленное от областного центра. И только благодаря неустанной заботе папиного ремня и подвигу старенькой сельской учительницы, он все-таки умудрился овладеть основами родной речи. Зато изъяны воспитания и образования ему с успехом заменяли огромный рост и бугристые мышцы, которым позавидовал бы и сам Арнольд Шварцнегер.

Но самое удивительное заключается в том, что, увидев Степана впервые, я принял его за нескладного и долгоязого парнишку, которого по хилости комиссовали из армии. Просторная рубаха, широкие штаны и простецкое личико придавали ему вид юнца, которому папаша презентовал свои личные вещички для поездки в далёкую и неизведанную Португалию. Меня просто изумило, когда Володя по секрету шепнул мне на ушко, что этому парню уже за тридцать и у него две дочери школьного возраста. Но настоящее потрясения ожидало меня поздно вечером, когда Степан перед сном непринуждённо сбросил маскирующую его одежду. Такого идеального, богатырского телосложения я в жизни моей ещё ни разу не видел! И это была не гипертрофированная мощь профессионального культуриста, а природная красота сильного, крепкого и в тоже время невероятно гармоничного мужского тела.

На следующее утро Володя, по своей ловеласовской привычке, принялся заигрывать с горничной, которая готовила соседний номер к предстоящему въезду новых постояльцев. А та, воспользовавшись таким случаем, попросила заморского любезника помочь ей передвинуть шкаф в подсобном помещении. Я имел неосторожность как раз проходить мимо и каховчанин тут же ухватил меня рубаху:

– Василий! Не в службу, а в дружбу, помоги нам передвинуть шкафчик в вещевой кладовке!

Но на поверку шкафчик оказался огромным трёхстворчатым шифоньером, который был доверху набит всё ещё влажным постельным бельем. И как мы ни пытели, ни кряхтели, но даже втроём сдвинуть эту громадину с места так и не изловчились.

– Нужно разгружать шкаф, – высказал я моё компетентное суждение. – Вот тогда, хоть и с трудом, но мы всё-таки его передвинем.

– Ещё чего! – проворчал Володя, виновато косясь на улыбающуюся горничную, которая вполне годилась ему в тётки. – Ведь шкафчик-то нужно лишь передвинуть в угол, всего на какой-то вшивый метр. Лучше сбегай в наш номер и позови на подмогу Степана.

Когда же я вернулся с тернопольцем, то в кладовке почему-то уже никого не было. Мне ничего не оставалось, как объяснить Степану поставленную задачу и отправиться на поиски хозяйки и её навязчивого каховского воздыхателя. Они оказались в том же всё ещё незанятом номере и их отношения, как мне почудилось, переходили в стадию непринуждённого взаимного сближения. Об этом наглядно свидетельствовала рука Володи, беспечно лежащая на крутом бедре миловидной горничной.

– Володя, угомонись! Не нарушай законы причинно-следственных связей! – бесперомно прервал я процесс наведения мостов дружбы между народами. – Сначала услуга, затем благодарность! Если Степан сейчас уйдёт, то тебе придется срочно нанимать бригаду местных лиссабонских докеров!

Володя что-то глухо вякнул и смиренно поплелся за мной, как узник совести на бессрочную сибирскую каторгу. Однако Степана у входа в подсобное помещение мы, к сожалению, так и не обнаружили.

– Ну, вот! Смылся! – раздосадовано забрюзжал каховчанин и без всякой надежды заглянул в открытую дверь кладовки.

Неожиданно лицо моего друга вытянулось, а очи выпучились, рискуя выпасть из широко растворенных глазниц. Я отодвинул моего впечатлительного компаньона в сторону, опасливо заглянул в подсобку и очень осторожно вошёл. Не узрев ничего ужасающего, я попытался потихоньку заглянуть в шкаф. И только тут уразумел, что шифоньер уже стоит в углу, как того и желала наша приветливая и покладистая горничная.

– И как он только умудрился это сделать? – услышал я за спиной сдавленный голос Володи. – Если он просто затолкал его в угол, то на полу должны были остаться царапины. А их нет! Видно, действительно, сила есть – ума не надо!

В последующие дни мы пытались наладить контакт с угрюмым тернопольцем и найти хоть какие-то общие темы для разговора. Но на все наши вопросы он отвечал неохотно и односложно, а иногда и попросту издавал какие-то непонятные рокочущие звуки.

А вот фотодело Степан знал и любил, и мог часами восторженно говорить о фокусах, ракурсах, выдержках и экспозициях. Именно поэтому потеря «Зенита» была для него таким тяжким ударом и невосполнимой утратой.

– И ты не мог скрутить этого бородатого нахала в бараний рог и вышвырнуть его из окна! Или хотя бы галантно спустить его вниз по лестнице! – брызгая слюной, возмущался Володя. – На память о вашей незабываемой встрече он оставил себе твой фотоаппарат и часы! А тебе – синяки, ссадины, да ещё и разбитую губищу в придачу! И ты так безропотно позволил ему себя разукрасить?! В тебе же звериная сила!

– Но ведь он же брат Юлии и должен о ней заботиться, – заунывно стenal Степан. – Ему видно вовсе не всё равно, что скажут о ней соседи.

– Но ты хоть что-то запомнил из всего того, что кричал бородатый? – не унимался Володя.

– Чаще всего он повторял слово «дынейру», – расстроено буркнул Степан.

Мне показалось, что Володю-каховчанина сейчас хватит удар. Он, как подкошенный, свалился на пол и начал кататься, истерически хохоча, хватаясь руками за живот и суча ногами по пыльному, выцветшему ковру. Приступы дикого смеха сменялись какими-то нечленораздельными звуками, шипением и бульканьем, так что я стал серьезно опасаться за его психическое и физическое состояние. Конечно, если б Степан не был так занят своей собственной трагической судьбой, то может быть, и он обратил бы внимание на судороги и конвульсии своего соседа. Но личное несчастье всецело завладело его душой. И что ему было до того, что кто-то корчится в эпилептическом припадке у его не в меру благоухающих потных ног.

Степан, очевидно, был в плену того мифа, усердно раздуваемого турагентствами, что стоит вам только ступить на португальскую землю и пообщаться с аборигенами, как через месяц-другой вы с легкостью заговорите на кристально-чистом языке Камоэнса, легендарного творца и соиздателя эпических «Лузиад». Поэтому Степан считал излишним учить португальский язык и даже не купил дешевого разговорника, всецело полагаясь на скудные знания своих случайных товарищей.

– Динейру – это деньги! Это то, ради чего ты сюда приехал! – наконец, выдал из себя между приступами хохота Володя.

– Ты что этим хочешь сказать?! – вдруг грозно и воинственно нахмурился возмущенный Степан.

– Он хочет сказать, что прекрасная Джулия – обладательница древнейшей в мире профессии, а ее «старший брат» обычно значится в полицейских протоколах как сутенер и сводник, – мягко пояснил я насупившемуся простофиле.

Глаза Степана сузились, и в них появился какой-то противоестественный и жутко нездоровый блеск. Его огромные кулаки сжались, могучие мышцы напряглись. И я начал серьезно опасаться, что сейчас буду расписан под Хохлому за оскорбление чести и достоинства прекрасной и непорочной дамы. Моя рука судорожно нащупала спинку стула, чтоб было хоть чем-то, в случае чего, остудить пыл влюбленного и страстного Монтекки. Но блеск в очах Степана постепенно угас, и руки его безвольно обвисли, словно избитые, старые плети. Ошеломленный великан с огромным трудом совершил несколько глотательных движений и хриплым голосом простонал:

– Пречистая Богородица! И что же теперь скажет Катя?

Так случилось, что жена Степана два года назад уехала на заработки в Италию и растворилась на необъятных просторах старушки Европы, прислав лишь краткую весточку:

«Не жди. Я вышла замуж. Живи, как знаешь».

А вскоре Степан встретил Катю, которую постигла аналогичная участь. Ее муж отбыл на заработки в соседнюю Польшу и неожиданно пропал без вести. Родственные души сошлись, но денег на беспроblemную жизнь катастрофически не хватало. И вот Степан отправился пробыть окно в Европу, а Катя осталась присматривать за двумя дочерьми Степана и своим малолетним сыном от первого брака.

– Не кручинься, молодец! – произнес кое-как пришедший в себя Владимир. – Многие мои друзья даже не считают изменой такие увлекательные приключения, особенно, если была использована защитная «кольчуга».

Лицо Степана вытянулось:

– Какая такая кольчуга?

– А было ли при вашей пылкой встречи использовано маленькое, но очень полезное резиновое приспособление? – вкрадчиво поинтересовался я. – При надувании, оно разительно напоминает детский воздушный шарик. Хотя основное его назначение как раз для того, чтобы детей не было.

Лицо Степана вытянулось еще больше и стало похоже на среднеазиатскую дыню, поставленную на торец.

– Да-а-а-а... Тогда синяк под глазом и разбитая губа покажутся тебе легким огорчением сорванца, поставленного за шалость и озорство в угол. Если конечно, сравнить с тем, что может обнаружиться в ближайшем прекрасном будущем, – глубокомысленно заметил я. – Перед тобой открывается широкая перспектива приобрести что-либо весьма экзотическое: начиная от модного в артистических кругах СПИДа, кончая банальной гонореей, называемой в простонародии триппером.

– Не сгущай краски! – вмешался уже совершенно оправившийся от потрясения каховчанин. – У него все-таки есть очень даже неплохие шансы выжить. Примерно 50 на 50.

Каким-то образом весть о приключениях Степана молниеносно разнеслась по переполненному пенсау, и обитатели соседних комнат с невероятной быстротой наполнили нашу уютную спальню. Возникло нечто вроде стихийного симпозиума на тему «Спонтанная страсть и её печальные последствия». Причём оппоненты спорили до хрипоты, до конца отставивая свою точку зрения.

– Такие страстные порывы надо тушить вручную, собственными руками, – гремел бас Федора, бывшего пожарника из Ровно.

И он наглядно показал, как это, по его личному мнению, нужно делать.

– И тогда всякие глупые мысли никогда не будут лезть в вашу пустую, безмозглую голову. Излишнюю озабоченность как рукой снимет. За это могу поручиться собственной головой. Даю правую руку на отсечение! – заверил Федя, дружески похлопывая Степана по плечу.

Несомненно, бывший борец с огненной стихией имел громадный опыт в этом нелегком, ответственном, но очень полезном деле.

– Не тушить, а душить! И душить в зародыше! – резким голосом, похожим на скрип не смазанной телеги, возражал ему Иван Сергеевич, бывший работник государственной безопасности, уволенный за злоупотребление служебным положением и алкоголем.

Неожиданно он плутовски ухмыльнулся, хитро по-ленински прищурил глазки и весомо высказался:

– Вспомните бессмертные строки Александра Сергеевича Пушкина: «Души прекрасные порывы!»

– Но ведь другой великий поэт говорил, что «если чувствам ходу не давать, они мельчают от переполнения», – попытался защитить Степана учитель словесности из Омска Петр Игоревич.

– Ой-ой! Только не надо цитировать Вильяма! – перекопилось лицо Ивана Сергеевича, будто он хлебнул глоток неразведённого уксуса. – Гений, который написал «Отелло», был бы со мной вполне солидарен!

– Нет, нет! Вы абсолютно неправы! – вступился за Петра Игоревича Саид – студент-недочка из Душанбе, выдворенный из университета за аморальное поведение. – Всем истинным влюблённым присущи страстные душевные порывы и ради возлюбленной своей они готовы на безумные поступки. Один великий восточный поэт как-то сказал.

И юноша нараспев с вдохновением продекламировал стихи на неизвестном мне языке.

– Чего, чего?! – с удивлением уставились все присутствующие на жизнерадостного низкорослого таджика.

– На русский язык это можно перевести приблизительно так:

«Ради родинки смуглой твоей, одного благосклонного взгляда,
Я отдам Самарканд с Бухарой и в придачу богатства Багдада», —

растолковал почтенной публике свои вирши вечно улыбающийся Саид.

– Ха-ха-ха! – снова истерически захохотал Володя и, с трудом успокоившись, беззаботно подметил: – По сравнению с твоим расточительным восточным шейхом, наш Степан – просто скряга! За час любовных утех он отдал всего лишь старенький «Зенит» и какие-то паршивые ручные часы!

– А телесные повреждения?! А изорванная одежда?! А моральные страдания?! – возмутился Иван Сергеевич. – На Западе, при знании местных законов, за всё это можно привлечь хулигана к ответственности и получить солидную денежную компенсацию!

– Опомнитесь, дядя Ваня! – иронично скривил губы Володя. – Мы – нелегальные иммигранты! И находимся на территории Португалии незаконно!

– Ничего! Пусть это будет ему горьким уроком! На ошибках учатся! – оптимистично заверил Фёдор.

– А после ошибок лечатся! – ехидно захихикал Володя.

– Не тело бренное нужно лечить, а душу бессмертную, – подал свой веский голос монаха-расстриги Викентий, отлученный от церкви за богохульство и вольнодумство. – Прелюбодеяние – одна из восьми греховных страстей, которая отдаляет нашу душу от Бога. Преклони колени, сын мой, перед Творцом нашим! Молитвами святыми и слезами раскаяния очисти себя от скверны порочной!

– Да бросьте Вы Ваш «опиум для народа», батюшка! – цинично забрюзжал Салех Баятов, оставшийся не у дел преподаватель научного коммунизма, изгнанный из Баку за нелояльность к новой власти. – Жизнь человеку дается только одна! А этому парню будет хоть что-то вспомнить перед тем, как он сгинет, сгниет и распадется на атомы.

– Всякому рабу Божьему в конце жизненного пути воздастся по заслугам, – мягко улыбнулся бывший священник. – Душа после смерти попадает именно туда, куда она и заслуживает сообразно воззрениям и Вере одного человека. А где же окажется душа атеиста? Если поразмыслить логично, она попадет в «Никуда» и будет пребывать там вечно! А Вам не кажется, милейший, что это «Никуда» и есть самый глубинный и ужасающий круг Ада?

Постепенно страсти улеглись, и искатели лучшей доли разбрелись по своим душным комнатухам. И лишь Степан так и остался сидеть неподвижно на ветхом стуле с выражением лица городничего из финальной сцены «Ревизора».

Утром судьба увлекла меня в далекий город Фамаликау, и я уехал поднимать строительную индустрию Португалии до высшего мирового уровня.

Три года спустя, возвращаясь из отпуска, я случайно оказался на том же самом перекрестке улиц старого Лиссабона. Джульетта все так же стояла в кругу своих легкомысленных подруг под бдительным надзором сурового «ассирийца». Только гигант ещё более обрюзг, а его благородный нос был каким-то странным образом уродливо деформирован. По-видимому, перебитая в драке переносица срослась неправильно и обезобразила лицо верзилы, сделав его внешний вид ещё более грозным и устрашающим. Я бы даже сказал зверским. Да и формы Джулии расплылись и округлились, а взор стал циничным, оценивающим и вызывающим. Наши взгляды встретились, и она подарила мне дерзкую и многообещающую улыбку. И я увидел ее мелкие, утратившие белизну и тронутые кариесом зубы.

«Ведь женщины как розы. День настанет,
Цветок распустится и вмиг увянет», —

вспомнил я гениальные слова Шекспира, развернулся и решительно зашагал прочь.

2. Невеста

Дорога серебристой змеей причудливо вилась среди ухоженных ферм и усадеб, изумрудно-зеленных полей и густых эвкалиптовых рощ. Какая-то неведомая, чудовищная сила как будто расчистила обычно забитую транспортом оживленную муниципальную магистраль. И наша «Тойота» одиноким призраком неслась навстречу поднимающимся из-за горизонта отрогам живописнейших мгlistых гор.

У меня возникло серьезное подозрение, что той неведомой силой, опустошившей дороги и улицы Португалии, был предстоящий матч очередного тура национального чемпионата по футболу. В столице в споре Грандов решался самый животрепещущий вопрос общественной и политической жизни страны: кто станет чемпионом. И хотя до начала баталии оставалось еще более часа, все дееспособное население Лузитании забросило свои текущие дела и припало к экранам телевизоров, смакуя прелюдию к предстоящему спектаклю, и живо обсуждая и взвешивая шансы маститых претендентов.

Несмотря на то, что мой патрон никогда не был фанатичным поклонником кожаного мяча, но и он отдал дань всеобщему помешательству, выжимая из автомобиля всю скорость, на которую тот был способен. Ему не терпелось поскорее добраться до любимого кафе, где он мог бы откровенно выразить друзьям и приятелям свое веское мнение о перспективах развития португальского футбола. С калейдоскопической быстротой мимо окон «Тойоты» мелькали перекрестки, развилки, указатели и дорожные знаки.

Дорога серпантином запетляла между изумительными по красоте лесистыми холмами, и предательский комок ползучей тошноты подступил к моему пересохшему от жажды горлу. Я раздраженно покосился на шефа.

– У-у-у! Шумахер недоделанный! – мелькнула в голове неприязненная мысль.

– Спокойнее, спокойнее! Я вовсе не спешу в гости к Всевышнему! Его ведь может весьма огорчить мой неожиданный, незапланированный визит. Особенно перед самым началом такого важного матча. Недаром на моей Родине говорят: «Нежданный гость – хуже татарина», – проинформировал я патрона.

Паулу непонимающе взглянул на меня, затем отмахнулся, как от назойливой мухи, и еще глубже вдавил педаль акселератора в корпус микроавтобуса. Меня, как мешок с навозом, швыряло из стороны в сторону на нескончаемых изгибах пустынной автотрассы. Комок тошноты поднимался все выше и выше, и я явственно почувствовал, что нынче огорчу моего нетерпеливого патрона до полной невозможности.

– Кажется, сейчас я представлю шефу полный, развёрнутый отчёт о том, что изволил откусать сегодня за завтраком и обедом, – с тоской подумал я и приготовился к неизбежному. Оказывается, чтобы подхватить морскую болезнь, совершенно не обязательно выходить в необозримую морскую даль на неустойчивом, утлом суденышке.

Неожиданно из-за придорожных кустов появилась кавалькада семенящих четвероногих созданий и бросилась наперерез ревушей от натуги «Тойоте». За какую-то долю секунды я успел заметить, что это была торжественная процессия, предвещающая шумную и весёлую собачью свадьбу. Впереди, гордо подняв острую морду, величественно бежала рослая невеста, а чуть сзади мелко трусила свита разношерстных претендентов на ее лапу и сердце.

Дико завизжали тормоза. Безжалостная сила инерции бросила наши тела вперед. И если б не ремни безопасности, то мы бы продолжили наше путешествие сквозь лобовое стекло над дорожным полотном на захватывающем бреющем полете. Послышался звук сильного удара и душераздирающий вопль жертвы. Микроавтобус на неподвижных шинах, виляя из стороны в сторону, проехался метров двадцать по раскаленному асфальту и, наконец-то, остановился. За

его кормой остался двойной черный змееобразный след и облачко зловонного сизого дыма от подгоревшей резины покрышек.

Я с удивлением прислушался к моим ощущениям. Дыхание было спокойным, сердце билось ровно. По-видимому, я даже не успел толком испугаться и осознать весь трагизм и ужас произошедшего. Обернувшись к патрону, я увидел, как обильный пот ручьями струиться по его побледневшему от страха лицу. Дрожащими руками он отстегнул ремень, выскочил из автомобиля и с нескрываемым ужасом взглянул на капот «Тойоты». Затем Паулу оббежал автомашину, промчался по её тормозному пути и застыл как вкопанный, потрясенный открывшимся перед ним зрелищем. Я трусцой последовал за шефом, чтобы стать очевидцем кошмарных последствий фатального столкновения.

На асфальте, грациозно раскинув лапы, безмятежно почивала экс-невеста, так и не успевшая стать добропорядочной женой и любящей матерью.

Свадьба совершенно неожиданно расстроилась и преобразилась в скорбную поминальную панихиду. Вокруг безвременно усопшей суки траурно склонились молчаливые и угрюмые бывшие женихи. И только один пес, видно самый сострадательный и впечатлительный, оглашал окрестности заунывным воем, от которого кровь стыла в жилах. То ли он горестно оплакивал судьбу своей несчастной возлюбленной, то ли печальную участь своей правой лапы, которую переехала задним колесом «Тойота».

Я украдкой взглянул на перекошенное от ужаса лицо моего шефа. Небритые щеки и подбородок его тряслись, округлившись карие очи наполнились горючими, обильными слезами.

– Кто бы мог подумать, что Паулу такой сердобольный, сострадательный и чувственный парень! – искренне удивился я.

За год моей работы у патрона я видел слезы на его глазах всего лишь два раза: когда он положил на цыпленка слишком много пири-пири, и когда на его ногу упала увесистая эвкалиптовая доска.

– Моя... моя дорогая... – с трудом проглотив слюну, наконец, выдавил из себя Паулу. – Моя дорогая, новенькая «Тойота».

Разогнав пинками незадачливых женихов, он низко склонился над телом трагически погибшей невесты. Хлюпая носом и смахивая крупные слёзы, патрон принялся тщательно изучать ошейник жертвы инцидента. И, вдруг, сквозь слезы застилавшие глаза и струившиеся по небритым щекам шефа, пробилась теплая и кроткая улыбка облегчения. Прорвалась, словно лучик весеннего солнышка сквозь сплошные массивы обложных, дождевых облаков.

– Что? Что случилось? – с величайшим усилием прохрипел я.

– Адрес... На ошейнике есть адрес хозяина суки, – умиленно промурлыкал шеф и внезапно грозно взревел: – Теперь этот ротозей за всё мне заплатит! Как за мои ужасающие моральные страдания, так и за помятый бампер машины!

Я попросту опешил от неожиданности. Вот тебе и сердобольный патрон!

Но тут из-за изгороди соседней фермы показался рослый, не в меру упитанный и чересчур воинственно настроенный хозяин вновь представившейся суки. На Паулу неслись как минимум 120 взбешенных и разгневанных килограмм живого веса. Но не так-то и легко было смутить моего бойкого и задиристого патрона. И хотя мой шеф был на голову ниже и в два раза легче своего дородного оппонента, он смело наскочил на грудь разъяренного и грозно колыхающегося сала. Налетел как молоденький петушок на важного, надутого индюка, считающего старосту густонаселенного птичьего двора.

Паулу и фермер так дико кричали и так отчаянно махали руками перед физиономиями друг у друга, что я даже начал опасаться, как бы они не подхватили простуду или бронхит от созданного ими же сильного сквозняка. Но ни к рукоприкладству, ни к мордобою, к моему глубочайшему разочарованию, дело так и не дошло. Через полчаса страсти постепенно улеглись, и переговоры перешли в более спокойное и конструктивное русло.

– О Paulo! – вдруг раздался низкий, басистый голос с другой стороны автострады.

Мой шеф круто развернулся на каблуках, и его лунообразный лик озарился счастливой и блаженной улыбкой.

– О Pedro! – заорал он в восторге и бросился через дорогу к усатому гражданину в оранжевом комбинезоне и строительной каске.

Сколько бурных чувств и искренней радости было в этой волнительной и эмоциональной встрече! Они обнимались, целовались и неистово хлопали один другого ладонями по мускулистым плечам. Да так рьяно, что облако выбитой из одежды пыли постепенно сгустилось и окружило давно не выдававшихся старых товарищей.

– Наверное, это своеобразны экономичный португальский способ чистки грязной и запыленной одежды, – решил было я. – Дешево, надежно и практично.

Напрягая мой слух и скудные знания португальского языка, я вскоре выяснил, что Паулу и Педру вместе работали во Франции и не виделись около семи-восьми лет.

Только сейчас я заметил, что на развилке дороги велись интенсивные дренажные работы. Мои соотечественники усердно рыли неглубокие канавы и аккуратно укладывали в них керамические сточные трубы. Я уже собрался было пойти поговорить с земляками, как вдруг Педру посмотрел на меня снизу-вверх и поинтересовался у своего давнего приятеля:

– Ucrâniano? (Прим. Португальцы называли всех гастарбайтеров из бывших республик СССР «ucranianos», так как украинцев среди них было большинство).

Лицо Паулу еще шире расплылось в самодовольной улыбке, и он надулся, как банный мыльный пузырь:

– Engenheiro! В моей бригаде два инженера, два учителя, один дантист из Минусинска, чемпион Омска по армрестлингу и ещё два рэкетира! Все парни как на подбор! А теперь все стали отличными «estucadores»! (Прим. Штукатур, порт.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.